

тры, можно утверждать, что писатель довольно часто прибегает к графике как одному из средств выразительности, позволяющему имплицитно передать дополнительную информацию. Особенности графического оформления текста позволяют автору передать внутреннее эмоциональное состояние героя, дать дополнительную характеристику героя через описание, переход от одного эмоционального состояния героя к другому, переход от одного вида повествования к другому, показать инородные вкрапления в тексте, подчеркнуть значимые слова, внести дополнительную скрытую экспрессию в повествование. Более того, в ходе анализа были выявлены графические маркеры перехода от одного временного промежутка к другому, что является элементом архитектуры. Таким образом, различные виды курсива, прописная буква, многоточие, тире и прочие графические средства не являются в художественном тексте случайными, они выполняют определенные функции и служат, с одной стороны, средством выделения текста в тексте (как, например, неэмфатический курсив, шрифтовое варьирование, прописные буквы), а с другой – способами передачи различных коннотаций (эмфатический курсив, пунктуационные знаки). Наибольший интерес представляют случаи выражения вышеперечисленными графическими средствами скрытых (имплицитных) смыслов. Своеобразие скрытых значений в том, что для их понимания необходимо обладать набором знаний, ассоциаций, читательским опытом. Задача читателя состоит в том, чтобы найти скрытые смыслы, эксплицировать свой жизненный и читательский опыт для их интерпретации.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Академия, 2003.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта: Наука, 2002.
3. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
4. Mitra R.N. If there wasn't death. Denver, Colorado : Outskirts Press Inc., 2007.
5. Mitra R.N. Impute Fall to Sin. М. : Manager, 2005.
6. Mitra R.N. A Very Insipid Passion. М. : Manager, 2002.

Graphics as one of stylistic devices (based on the fiction prose by R.N. Mitra)

There is analyzed the use of graphics as one of the devices of artistic expressiveness used in the English language novels by R.N. Mitra. The author frequently uses italics or italic insertions, emphatic italics, uppercase letters in headings, punctuation, graphic markers of transition from one period of time to another. Graphic devices of expressiveness are used for introducing the additional meaning.

Key words: *stylistic resources of graphics, italics, punctuation, marking-out.*

Е.С. СТЕПАШКИНА
(Коломна)

СЛОЖНЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Выделены и описаны закономерности словообразования сложных окказиональных субстантивов, отобранных из публицистического наследия А.И. Солженицына. Характеристику типических черт словотворчества завершает вывод о специфике функционирования окказионализмов данной группы в публицистическом контексте.

Ключевые слова: *окказиональные субстантивы, публицистика, А.И. Солженицын, особенности деривации, функции.*

А.И. Солженицын не раз отмечал, что его публицистическая деятельность носит скорее вынужденный характер. «Видите, публицистика вообще <...> я ею занимаюсь поневоле. Если бы я имел возможность обращаться к соотечественникам по радио – я бы читал свои книги. Ибо в моей публицистике и в моих интервью я не могу выразить и одной сотой части того, что есть в моих книгах» [8]. Подобная оценка демонстрирует приоритет в сознании писателя его художественного творчества над публицистическим в силу большей выразительной возможности первого. Авторское соотношение двух начал справедливо, на наш взгляд, оспаривается исследователями творчества писателя: Д. Штурман в книге «Городу и

миру. Публицистика Солженицына» замечает: «...Солженицын недооценивает значение своей публицистики и ее достоинства. В публицистических жанрах <...> взгляды писателя выражаются в прямой внеобразной форме, декларативно ...» [15, с. 5], а литературовед Т.Д. Куликова приходит к выводу о том, что все творчество А.И. Солженицына публицистично [2, с. 13], т. е. содержит выявление, анализ и оценку общественно значимых фактов с целью актуализации их для общественного мнения [6, с. 29]. Вслед за учеными мы считаем, что анализ публицистического наследия А.И. Солженицына исключительно важен для раскрытия глубинных доминант мировоззрения писателя. Актуальность обращения к языковому уровню при исследовании публицистики А.И. Солженицына обусловлена малой степенью разработанности этого направления его творческой деятельности (отдельные проблемы языка публицистики писателя освещаются в работах Е.Г. Липатовой [3], Л.В. Лукьяновой [4]).

Ярким выразителем индивидуально-авторского начала в речи является окказиональное слово. Подробное изучение неузуальных единиц способствует определению типических черт языковой личности их создателя. Мысль о тождестве в публицистике языковой личности и личности самого публициста аргументирована И.М. Сугян. Ученый отмечает продуктивность исследования публицистики конкретного автора с целью выявления его личностной позиции и прояснения некоторых аспектов позиции автора в его художественных произведениях [11, с. 14]. Продолжая идею И.М. Сугян, приходим к выводу: анализ языка публицистики (в частности окказионального словообразования) способствует познанию языковой личности, которая в текстах общественной направленности идентична личности самого писателя, а также способствует прояснению позиции автора в текстах художественных.

В качестве исследуемой взята группа субстантивных композит. Выбор части речи обусловлен богатством и разнообразием способов деривации имен существительных. Интерес к сложениям объясняется увеличенной семантической, образной и ассоциативной емкостью этих лексем по сравнению с простыми единицами.

Структурно сложные неузуальные имена существительные составляют 34% (23 ед.) от общего числа авторских субстантивов (68 ед.), отобранных из публицистического наследия писателя. Неузуальным авторским субстан-

тивом мы называем окказиональное имя существительное. При этом термин «окказионализм» определяется нами как единица речи, созданная в процессе индивидуального творческого акта по деривационным типам разной степени продуктивности (потенциализм), а также с нарушением этих типов или с помощью специфических способов и приемов (собственно окказионализм) и незафиксированная в лексикографических источниках. В ходе нашего исследования было установлено, что авторские композиты из публицистики А.И. Солженицына образуются с помощью способа чистого сложения (61% от общего числа структурно сложных субстантивов), сложносуффиксальным способом (35%), а также способом сращения с суффиксацией (4%).

Отметим особенности индивидуального словотворчества имен существительных, образованных способом чистого сложения. В группе примеров данного типа обращает на себя внимание частотное употребление компонента *само-* в качестве первого элемента сложения (*самопадение, самоослабление, самовыклик, самовосхищение, самодостойность, самоответственность*). Рассмотрим пример: *Поразительная история 17-го года – это история самопадения Февраля. Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгода до полного упадка. <...> Так что не только не было никакой Октябрьской революции – но даже не было и настоящего переворота. Февраль – упал сам* [9, с. 259] (*сам + -о- + падение* → *сам-о-падение*). Первичная семантика новообразования *самопадение* поясняется в контексте предложения (*Февраль – упал сам*), при этом под Февралем публицист понимает в первую очередь Временное правительство, а глагол используется в значении однокоренной лексемы *пасть* – «быть свергнутым, смещенным (о правительстве)» [13, с. 664]. С помощью высокопродуктивного деривационного типа порождается потенциальный субстантив (высокая продуктивность типа отмечается авторами Русской грамматики–80, в которой приводятся многочисленные примеры, подтверждающие способность типа служить образцом для производства слов, например, *самообслуживание, самообразование, самоуслаждение, окказиональное самоковыряние* (И. Тургенев)). Заметим, что компонент *само-* важен в публицистических произведениях А.И. Солженицына (об этом свидетельствует, в частности, факт вынесения компонента *само-* в название программной статьи пи-

сателя «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973г.)). Идея доминирования субъекта действия как первопричины отрицательных или положительных изменений в мире и обществе проходит через многие сочинения А.И. Солженицына, а компонент *само-* («лицо как источник действия») своей частотностью подчеркивает эту мировоззренческую доминанту. В итоге новообразование, с одной стороны, служит для авторской номинации процесса свержения Временного правительства (реализует номинативную функцию), а с другой – открывает авторское понимание причин его падения как обусловленных внутренними мотивами (реализует экспрессивную функцию). Экспрессия неузuala также связана с коннотацией, которая наследуется им от субъекта речи – «Февраля» (Временного правительства). Обращение к расширенному контексту позволяет обнаружить уничижительное отношение автора, постоянно присутствующее при описании Временного правительства: *Временное правительство <...> те самые либеральные деятели, которые годами кричали, что они – доверенные люди России, и несравненно умны, и все знают <...>, а оказались паноптикумом безвольных бездарностей* [9, с. 258].

Еще одной особенностью авторской деривации окказиональных композит-существительных является сознательное изменение морфонологической структуры аффикса в соответствии с характером авторской экспрессии, например: ... *высшее богатство народа сейчас составляет земля. Полвека мы занимались <...> чем угодно, кроме развития и благоустройства главного богатства нашей страны – Северо-Востока. <...> Сибирь и Север – наша надежда ...* [9, с. 75] (*благ-(ой) + -о- + + воздела-н'j-[э]// -ниј-[э]* → *благ-о-воздела-ниј-[э]*). В качестве опорной основы автор использует единицу пассивного запаса языка – субстантив *возделание*, который фиксируется в толковом словаре В.И. Даля в морфонологическом варианте *возделанье*. В процессе производства слова писатель заменяет стилистически окрашенный суффикс *-н'j-* («разговорность») на книжный *-ниј-*, гармонично вписывая единицу в окружающий контекст (*высшее богатство, наша надежда*). Предельное внимание к звучанию слова, стремление к максимальному подчинению формы вкладываемому в нее содержанию характерны в целом для прозы А.И. Солженицына (в частности, на это указывает А.В. Урманов [13, с. 120]).

Сознательная трансформация облика слова отмечена нами и при суффиксальной деривации. Рассмотрим два примера: *И эта великая Угроза [ядерная] еще тоже оставила и развитие человеческого духа и опоминание о смысле нашей жизни* [7, с. 566] (*опомин-а-(ть-ся) + -ниј- → опомин-а-ниј-[э]*); *Дележ чужого готов был взрывать в крепостях без памяти о прежних устоях, без опоминанья, что все худое выпрет боком и вскоре так же точно могут ограбить и делить их самих* [9, с. 428] (*опомин-а-(ть-ся) + -н'j- → опомин-а-н'j-[э]*). В зависимости от стилистической принадлежности алломорфа меняется окраска всего новообразования. Книжный вариант *-ниј-* привносит в требующий того контекст (*великая угроза, развитие человеческого духа, смысл жизни*) оттенок возвышенности, а разговорный вариант *-н'j-* согласуется с окружающими лексемами сниженной тональности *дележ, взрывать, выпрет боком* и служит для воссоздания общественной атмосферы конкретного исторического периода и для передачи негативного отношения автора к явлениям действительности. Таким образом, выбор того или иного варианта суффикса *-ниј-* обусловлен общей экспрессией высказывания: книжный вариант подчеркивает патетический характер фразы, а разговорный – ее сниженную тональность.

Имеет свои особенности и сложносуффиксальная деривация окказиональных субстантивов. В частности, к ним относится использование специфического приема порождения окказионализмов – образования по конкретному образцу [1, с. 194], например: ... *в разных ветвях нашей Церкви решились только <...> простить их, гонимых [после церковного раскола], и снять с них анафему. Одна эта историческая борозда обнажает, насколько же мы негибки сознанием и насколько же не созрели до широкодушия* [10, с. 335] (*широк-(ая) + -о- + душ-(а) + -иј- → широко-о-душ-иј-[э]*). С помощью высокопродуктивного деривационного типа создается неузуал, который можно отнести к группе потенциальных единиц (ср.: *остроумие, косоглазие, сладкозвучие*) со значением «явление или состояние, характеризующееся наличием того, что названо в опорной основе и конкретизировано в первой основе» [5, с. 248]. Наличие в языке слова *великодушие* («свойство характера, выражающееся в бескорыстной уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства» [13, с. 64]), семантически сходного с авторским образованием, позволяет нам причис-

лить его к группе неузуалов, произведенных с помощью приема «образование по конкретному образцу» (*велик-одушие* → *широк-одушие*). Каждая из возможных мотиваций базируется на устойчивом сочетании *широкая душа* – не-пременном атрибуте русского национального характера. Замена компонента *велико-* на компонент *широко-* позволяет А.И. Солженицыну с помощью деривационных средств расширить семантику новообразования, привнести в высказывание тон назидательности (*насколько же [мы] не созрели до широкодушия* [10, с. 335]), выразить упрек современному русскому обществу в неготовности проявить традиционно присущее ему свойство характера. Таким образом, неузуал выполняет номинативно-апеллятивную функцию.

Среди примеров данной группы выделяются случаи употребления в качестве мотивирующей основы устойчивого оборота, например: *Верхи столичной образованности почти не знают нашей эпохи XX века и особенно 1917 года, особенно. Ну а дальше началось большевицкое головомороченье, когда вообще нельзя было правду откопать, все заморочили* [10, с. 388] (*голов-(у) + -о- + мороч-(и-ть) + -ень/-* → *голов-о-мороч-ень/-[э]*). В качестве производящей основы композиты используется устойчивое сочетание *морочить голову* со значением «намеренно вводить в заблуждение, дурачить кого-либо» [14, с. 379]. Контекст содержит актуализатор значения окказионализма – лексему *заморочить* с присущим ей значением «ввести в заблуждение, сбить с толку, запутать». Автор использует разговорный вариант суффикса *-ени/-* – *ен'/-*, который, как было отмечено ранее, усиливает экспрессию авторского осуждения. Меткость основы фразеологизма в сочетании с коннотативной маркированностью форманта («осуждение») делают авторское новообразование мощным экспрессивным средством.

Анализ особенностей окказионального словообразования сложных имен существительных позволяет обнаружить ряд авторских приемов, способствующих повышению эффективности воздействия публицистики на адресата, т. е. достижению ее главной цели (*Публицистики потому и много, что я пытался воздействовать* (выделено нами.– Е.С.) [10, с. 539]):

1) повтор значимых для автора морфем (*самопадение, самоответственность*), в результате которого создаются лаконичные номинации, передающие авторское отношение

к субъектам речи или объясняющие причины конкретных событий;

2) сознательное чередование стилистических вариантов суффиксов (*благовозделание, головомороченье*), обуславливающее приобретение новообразованием разного рода экспрессии (патетика, осуждение);

3) образование неузуалов по образцу конкретного слова (*широкодушие*, отличающихся полифункциональностью (выполнение номинативной, экспрессивной, стилистической, апеллятивной функций);

4) образование неузуалов на основе устойчивых выражений (*головомороченье*), позволяющее изменить синтаксическую конструкцию фразы на более простую и емкую.

Литература

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. 4-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
2. Куликова Т.Д. Публицистика А.И. Солженицына. Процесс коммуникации: от информационного бума до информационного вакуума: 1960–1994 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
3. Липатова Е.Г. Лингвостетические особенности российской публицистики 1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орск, 2002. 192 с.
4. Лукьянова Л.В. «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни» А.И. Солженицына как художественно-публицистический феномен: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2002.
5. Русская грамматика: науч. тр. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2005. Т. 1.
6. Семенова А.Л. Русская философская публицистика начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012.
7. Солженицын А.И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
8. Солженицын А.И. Интервью лондонской газете «Таймс». URL : <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/solge.txt> (дата обращения: 11.05.2013).
9. Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.
10. Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 8: Публицистика: На западе. 1990–1994; В России. 1994–2003. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2005.
11. Сугян И.М. Репрезентация авторской позиции в художественных и публицистических произведениях Ф.А. Искандера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012.

12. Урманов А.В. Поэтика прозы А. Солженицына. М. : Прометей, 2000.

13. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт: ДОМ. XXI век, 2009.

14. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель: АСТ, 2008.

15. Штурман Д.М. Городу и миру = To the city and the world: О публицистике А.И. Солженицына. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988.

*Compound occasional substantives
in the publicistic works
by A.I. Solzhenitsyn*

There are sorted out and described the regularities of word formation of compound occasional substantives selected from the publicistic heritage by A.I. Solzhenitsyn. The characteristics of typical features of derivation are concluded by the specificity of functioning of occasionalisms in the group in the publicistic context.

Key words: *occasional substantives, publicistic works, A.I. Solzhenitsyn, peculiarities of derivation, functions.*

Е.В. ТЕРЕШЁНОК
(Волгоград)

**ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ
УВЕ ТИММА «ЖАРКОЕ ЛЕТО»**

На материале романа «Жаркое лето» современного немецкого писателя Уве Тимма рассматриваются особенности функционирования фигур интертекста как излюбленного стилистического приема автора, используемого им для раскрытия ключевых тем произведения «протест» и «учеба».

Ключевые слова: *фигуры интертекста, интертекстуальность, текст, текстовая аппликация, цитирование, парафраз, текстовая аллюзия.*

Феномен интертекстуальности уже более сорока лет является объектом пристального внимания многих ученых. В основе теории интертекстуальности лежит концепция «чужого слова», сформулированная М.М. Бахтиным и получившая развитие в работах французских постструктуралистов Ю. Кристе-

вой и Р. Барта в 60–70-х гг. XX в. Понятие «интертекстуальность» ввела в обиход в 1967 г. Ю. Кристева для обозначения особых диалогических отношений текстов, на которые указывал в свое время М.М. Бахтин [3, с. 427–457].

Выделяют два возможных подхода к трактовке феномена интертекстуальности – широкий и узкий. В рамках первого подхода интертекстуальность понимается как свойство текста как такового. По Р. Барту, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и текст окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2, с. 418]. Н. Пьеге-Гро подчеркивает, что интертекстуальность – это «первооснова литературы» [9, с. 49], она существует с древнейших времен и «не открывает <...> какое-то новое явление, но позволяет по-новому осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов» (Там же). В узком же смысле интертекстуальность – одно из характерных свойств литературы XX в., особенно литературы постмодернизма с ее принципом игры, проявляющимся в игре с чужими формами письма или же речевого поведения [4, с. 81].

Интертекстуальность позволяет «вывести произведение за его собственные пределы» [9, с. 46], повысить импликационный и модальный потенциал текста, так что «самый текст оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества» [1, с. 80]. Следует, однако, подчеркнуть, что необходимым условием для реализации вышеупомянутых возможностей интертекстуальности служит способность читателя распознавать в тексте отсылки к опорным текстам и соотносить их со своим тезаурусом.

В нашей работе мы придерживаемся узкого понимания термина интертекстуальности и разделяем авторитетное мнение Ю. Кристевой, Ж. Женетта, М. Риффатера, В.П. Москвина и других исследователей, ёмко определяющих интертекстуальность как ассоциативное взаимодействие текстов. Приемы же, построенные на интертекстуальных ассоциациях, мы вслед за В.П. Москвиным будем называть фигурами интертекста [5, с. 795]. К ним относятся цитирование, текстовая аппликация, тек-